

С Е М И О З И С

Семиозис

Интерференция

Узурпация

S U E B U R K E

INTERFERENCE

С Ь Ю Б Е Р К

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б48

Sue Burke
INTERFERENCE

Copyright © 2019 by Sue Burke

Опубликовано с разрешения автора и его литературных агентов:
Литературное агентство Дональда Маасса (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского *Т. Черезовой*

Дизайн *Е. Куликовой*

Берк, Сью.
Б48 Интерференция / Сью Берк ; [перевод с английского
Т. Черезовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-229269-9

Радужный бамбук живет сотни лет. Сменяются поколения людей и стекловаров, и взаимовыгодные отношения с разумным растительным видом становятся обычным делом.

После землетрясения агрессивные существа мигрируют к городу. Посланная экспедиция выявляет еще один разумный вид, опасный и непредсказуемый, а вдобавок ко всему на Мир летит корабль с Земли.

Память мирян о землянах заставляет их быть настороже, и это не просто предубеждения. Земляне считают мирян недалекими фермерами, а стекловаров — одомашненными. И тем, и другим предстоит узнать друг о друге много нового.

Но пока животные борются за власть, растения мечтают о звездах.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229269-9

Джерри — за его любовь и терпение

КАРОЛА — ЗЕМНОЙ ГОД 2303-Й

Несмотря на все опасности этого леса с его осыпающимися руинами, красота опять меня притянула... в последний раз. Старые стены превратились в скалы и ущелья, густо покрытые растительностью. Птицы пели друг другу. Ветер пах дикими цветами, пробивающимися сквозь весеннюю почву. И здесь тем вечером я планировала навредить Шани.

Я дожидалась ее, сидя на мшистой кирпичной стене перед тем, что когда-то было величественным зданием. Камни входной колоннады лежали у меня за спиной среди нарциссов и побегов, а на бывшей улице цветы росли между черными обломками асфальта, перемежающимися дырами в тех местах, где провалились туннели. На моей визуальной накладке они были подкрашены красным в знак опасности.

Моргнув, я отключила накладку. Шани все еще не появилась: она должна была прийти с остальными членами рабочей группы, пройдя от старой главной дороги по тропе, огибавшей опасные места. Неестественный ландшафт мерцал в вечернем свете. Шорох мягкой молодой листвы заглушал звуки университета и его нескончаемых раскопок и реставраций. В километре? В другой эпохе.

Она напевала на ходу с непринужденным вибрато на высоких нотах — с вокальной улыбкой. У нее были все основания чувствовать себя счастливой. Я оценила слова, обозначила свое местоположение и скрыла свои планы: мои публичные мысли и личные мысли отстояли друг от друга, словно континенты, различались, словно настоящее и воспоминания о прошлом.

У меня была единственная истинная мысль: я всегда буду тебя помнить.

Ее мысли были отражением моих: она показалась на тропе и растянула в улыбке широкий рот, созданный для радости. Она пела: «Говорим на прощанье мы с Каролой: до свиданья!..»

Она балансировала между смехом и слезами. Я встала, когда они подошли: кто-то чтобы попрощаться, кто-то — обсудить планы. Я тоже буду улыбаться и плакать с ней: мы раскинули руки и обнялись, две молодые женщины. Если бы я могла смотреть ее глазами, то что я увидела бы во мне? Но смотреть было не время.

Она не увидит это место таким, какое оно на самом деле. Я об этом позабочусь. Как и все остальные с их радостями и огорчениями, я обняла ее и заплакала. Опять.

* * *

Чуть раньше, утром, больше ста душ собрались в своих лучших официальных нарядах в зале, где высокий свод был расписан ангелочками и аллегориями. Нас окружали стены из дерева и мрамора, покрытые чудесной резьбой. Сокровища правительственного комплекса Старого Вашингтона Ди Си были восстановлены и предназначены для научных собраний высшего класса — таких, как наше. Вскоре мы будем исследовать живое прошлое. Мы

посетим Колонию Мира, если та еще сохранилась в половине светового века от нас. Планета Мир вращалась вокруг звезды, которую едва удавалось различить невооруженным глазом сразу после захода солнца на западе нашего весеннего небосклона.

Вернее, только тридцать из нас отправятся туда — но кто именно?

— Оказаться в рабочей группе — это уже высокая честь, — заявил наш председатель тоном, подобным топору, словно нечто, высказанное с достаточной силой, может клином вскрыть истину. Он стоял на подиуме рядом с официальным роботом-свидетелем — гладкой черной записывающей спиралью со складчатой белой антенной, имитирующей воротник древнего судьи-человека.

На место лингвиста претендовало трое из нас. Мы с Шани знали, что третий кандидат откажется: дети уговорили его остаться на Земле и помогать растить внуков. Оставались мы, сидящие рядом. Я крутила кольцо на пальце и ждала. Косые лучи солнца лились в величественные окна.

— Те, кто полетит, должны будут пожертвовать многим ради приобретения знаний, — продолжал рубить председатель. — Но для подготовки к их отлету нужны будут усилия всей рабочей группы.

Мы с Шани подтвердили свои убеждения накануне вечером. Мы обе равно заслужили право лететь и были одинаково решительно настроены.

— Сейчас, — сказал он, — когда мы столько потеряли за прошедшие века, мы знаем ценность жизни и надежд и готовы рисковать собой, дабы снова объединить все ветви человечества. И сейчас я обнародую имена выбранных.

Он махнул рукой роботу. Имена пришли нам в голову. Мы читали молча. Шани отправится с экспедицией,

я стану дублером. Мы вскочили и обнялись со слезами радости и разочарования. Мы обе знали, чтоотреагируем именно так, и якобы взаимно примирились в своем соперничестве. Однако от этого полета зависела моя жизнь. Она об этом не знала — потому что никто не знал.

* * *

Вечером накануне объявления мы отмечали День Н. В. А. — память о Великой Потере. Когда-то я, как и все дети, обожала этот праздник, заигрывая с поддельным страхом, а сейчас это стало невыразимой насмешкой. Но разве я могла не принять в нем участия так, чтобы не дать понять, что я — мишень?

У себя в комнате я облеклась в белую накидку — традиционный костюм призрака, который неизменно вынимала первого апреля. Она закрывала мое лицо, не оставляя даже прорези для глаз, символизируя то, что в смерти мы все одинаковы, безлики. Я установила визуальную накладку повыше, чтобы видеть лучше, чем могла бы своими глазами.

Рабочая группа Мира организовала свой праздник — скромное повторение первого всемирного праздника Земли, который проходил повсюду первого апреля при местном заходе солнца. Мы организовали наше празднование на перекрестке у края восстановленного городского района: по одну сторону были наши спальные корпуса, а по другую — рухнувшие здания. Стальные остовы-руины поднимались выше диких деревьев, выросших среди них, а стекло, в которое они когда-то облекались, теперь сверкало среди зеленого подроста.

На нашей стороне перекрестка приземистые вишневые деревья с бледно-розовыми цветами украшали

промежутки между новыми строениями, сияющими самодостаточным светом. Закат подкрасил наши белые костюмы тем же оттенком, что у цветущих деревьев.

Если бы призраки существовали, они были бы здесь, в этом городе, на этой оживленной улице — одной из бесчисленных улиц, опустошенных сто пятьдесят лет назад страшным мором. Однако мертвые остаются мертвыми — не считая творца Великой Потери, Н.В.А., которой предназначили вечное наказание. Людям — некоторым людям — нравится наблюдать, как она страдает.

Груда сушняка, набранного в лесистых развалинах, высилась в центре перекрестка. Мне хотелось провести на этом жестоком ритуале как можно меньше времени, хотя присутствие предписывалось законом, и я выжидала, пока меня наконец не позвала Шани. Она сказала, что я пропускаю все веселье. А она была слишком добра и заботлива, чтобы это допустить: моя лучшая подруга, первая в моей жизни лучшая подруга. Я задержалась у двери, ища ее взглядом. Я еще раз попробую отговорить ее от полета.

Почти двести человек собрались на празднование: члены рабочей группы, вспомогательный персонал и их семьи. Дети бегали и радостно визжали: некоторые были в костюмах призраков, но большинство изображали симпатичных зверушек. Почти все взрослые были такими же белыми призраками, как и я, но тут и там оказалось с полдюжины красных — даже двое мужчин, и я побавровела от подобного неуважения. Антропологам следовало быть умнее. Красные призраки изображали Н.В.А., но она была одна. И на празднике должна была присутствовать только одна.

Члены рабочей группы объединились по профессиональному признаку вокруг столов с закусками и напит-

ками, установленных на поросшем травой и разбитом тротуаре. Пилоты и инженеры, у которых энергия всегда преобладала над интроспекцией, танцевали и пели под музыку, к которой я не сочла нужным подключиться.

Шани стояла среди биологов на дальней стороне перекрестка. Она услышала, что я ее ищу, и снова меня окликнула. Я стала пробираться туда, лавируя между празднующими. По пути мне попалась группа наряженных животными детей, окруживших красного призрака. Мальчик-котенок шипел на него, пара девочек-щенков его облаивала, а птица каркала, верещала и хихикала.

Призрак воздел руки.

— Я до вас доберусь! — пропищал мужчина фальцетом. — Я всех вас поубиваю! Вам не убежать! Ха-ха-ха!

— Ты только людей убиваешь, — ответила одна из щенят, шагнув вперед.

— А на этот раз я буду убивать и животных! Животных! Вас!

Дети с визгом убежали. Для них этот ритуал был просто про страшное существо, и я, как и все взрослые, узнала об истинном ужасе уже потом — для ребенка он был непостижим. Н.В.А. отравила продукты, которые распределяла ее корпорация, и убила пять миллиардов человек — всех жителей обеих Америк и до половины населения остальных континентов. Она сделала это преднамеренно, и даже сама ела отравленную пищу, и умерла до того, как катастрофа стала ясна. Она была чистым, смертоносным злом — и слишком трусливой, чтобы предстать перед правосудием. Или так нам рассказывали. Споры были под запретом.

Я миновала группу астрономов. Многие с потерянными лицами получали какую-то передаваемую информацию и оживленно ее обсуждали. Те немногие, кто замечал

происходящее вокруг, меня поприветствовали, и я ответила тем же.

— Удачи завтра!

Голоса у всех были напряженные. Когда я подошла к Шани, она обняла меня за плечи.

— Мы упражняемся в глобальском. Поможешь?

Мы знали, что колонисты Мира говорили на классическом английском. Если они выжили и оставили потомство и если мы собираемся с ними общаться, нам надо свободно на нем говорить. Это — обязанность лингвиста. Остальные члены рабочей группы должны были выучить упрощенный глобальский английский, что уже было непросто и к тому же звучало глупо.

— Могу, — сказала я на глобальском. — Мне и классический английский нравится. Я выучила его для работы, и теперь я его люблю, хотя его мало кто понимает.

Биологи обсуждали предложение по созданию новых колоний в Америках, несмотря на то, как это отразится на экологии, которой была предоставлена возможность оставаться максимально дикой.

— Все, кто отправятся на Мир, — напомнила я, — решения не узнают.

Мне хотелось увести разговор в нужную сторону, чтобы отговорить Шани. Молодой человек по имени Мерло засмеялся:

— Но мы его узнаем, когда вернемся. Мы увидим результаты.

— Ты не полетишь, — сказала ему какая-то женщина. — Ты не умеешь проводить определение видов. Я в рабочей группе нужнее.

— Могу пересчитать зубы у муравьев не хуже тебя.

Все засмеялись. Это была дежурная шутка, пусть даже Мерло был ботаником и считал лепестки.

— Но как же ваши родные? — спросила я.

— У моих родителей зубы в порядке, — заявил Мерло.

— У тебя появились сомнения? — сказала Шани. Ее объятие стало чуть крепче — приятное тепло у меня на плечах. — Я знаю, как ты любишь родных — мы все любим наших родных, — но твои близкие будут рады за тебя. Мои считают, что ничего лучше для меня и быть не может.

Ее семья гордилась своими исследованиями.

Я глубоко вздохнула. На глобальском формулировать сложные мысли трудно.

— Не тревожься, — продолжила она. — Я знаю, что экспедиция будет долгой и опасной. Но задумайся. Мы знаем, что колония была основана. И знаем, что планета изобиловала жизненными формами, разнообразными животными и растениями.

— А потом спутник перестал передавать сообщения, — вставил один из антропологов.

Она его проигнорировала:

— Мы точно знаем где и когда. Мы отправляемся на хорошую планету.

— Мы станем знаменитыми, — добавил он. — Как и другие исследователи.

— Я хочу лететь, — сказала она. — Мы все хотим.

Многие откликнулись:

— Да!

— Но, — сделала я еще одну попытку, — полетит только одна из нас.

— Знаю. Было бы здорово, если бы мы смогли обе отправиться. Но приходится проявить понимание. Если ты сможешь полететь, а я — нет, я буду огорчаться из-за себя и радоваться за тебя.

У меня ничего не получалось, но я любила ее за ее доброту. Она хотела полететь, несмотря ни на что, и я пони-

мала, что за счет щедрости ее природы она, видимо, будет стоять выше меня, невзирая на мои более высокие лингвистические способности.

— Я понимаю, — согласилась я. — Я просто не люблю ждать, вот и все. Если это будешь ты, я буду рада за тебя.

Я обняла ее, лихорадочно соображая, что еще я могу сделать, чтобы обратиться с Земли, и наслаждаясь ее мягким телом и идущим от него теплом.

Я постаралась принять участие в общем веселье. Я приподнимала накидку, чтобы есть и пить, я даже посмеялась немного. А потом горластый председатель забрался на кусок кирпичной кладки рядом с будущим костром и начал церемонию, напомнив нам всем о преступлениях против человечества, совершенных Н.В.А. Выволокли изображающее ее чучело: куклу в человеческий рост, сделанную из старой одежды, набитой бумагой и прутьями.

Под свистки и презрительные крики куклу бросили на дрова. Но прежде чем на нее посыпался град камней, прежде чем поджечь ее, председатель сунул руки ей под рубашку и вытащил маленькую куколку.

Я отключилась. Мне невыносимо было слушать, но я и так знала, что он скажет что-то вроде того, что я слышала, сколько я себя помню:

— Она будет расплачиваться вечно! Она в тюрьме, но ее клон живет среди нас. Когда придет время, он займет ее место в тюрьме. Загляните себе в душу! Вы могли бы сделать то, что сделала она? Делами покажите, что вы такими никогда не станете!

Другими словами, на ее месте могла оказаться любая женщина: еще один способ держать нас в повиновении. Без подключения я слышала его далекий голос, шелест деревьев на ветру, болтовню ребяташек. Один из антро-